

of systems analysis (K. Deutsch) are highlighted, as it enables the understanding of political system as a network of communication and information flows.

It is emphasized that the study of communication politics is also in the scope of the methodology of behaviorism (P. F. Lazarsfeld, R. Merton, H. Lasswell and others). Communicative action is the research subject of the representatives of neo-Marxism (especially of J. Habermas).

It is also emphasized that the modern methodological approaches to the study of communication policy demonstrate the diversity of the scientific analysis of state and organizations' activity, as well as their strategies of complex communication activities usage.

Keywords: *communication policy, methodology of political science, network approach, symbolic interactionism, constructivism.*

УДК 321.64

Л.Н. Шумский

КАРЛ ШМИТТ И УТРАЧЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВЫХОДА ИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА ГЕРМАНИИ ВЕЙМАРСКОГО ПЕРИОДА

В статье представлены размышления немецкого ученого-правоведа и политического мыслителя К. Шмитта, направленные на поиск решения сложных внутривнутриполитических проблем в Германии, обострившихся накануне краха Веймарской республики. Главная задача ученого заключалась, несмотря на жесткую критику конституции, в активизации рациональных положений основного закона.

Ключевые слова: *государство, право, закон, конституция, нейтралитет, деполитизация, чрезвычайное положение.*

Интерес к какому-либо конкретному политическому мышлению прошлого формируется на основе двух факторов: во-первых, исследуются духовные позиции в политических констелляциях и их значимость в полемическом дискурсе того времени. Политическая теория, таким образом, характеризует данное политическое содержание и его роль на определенном этапе развития цивилизации. Во-вторых, возникает вопрос, насколько актуальны идеи для тематики политических дискуссий в современных условиях. Первое важно с исторической точки зрения, второе следует цели выявить возможности применения элементов рационального в поиске решения насущных проблем. В этой связи внимания заслуживает политическое наследие К. Шмитта.

Немецкий юрист и политический мыслитель К. Шмитт оставил потомкам более 50 книг, около 300 статей, значительное количество рецензий, записок и других текстов, большинство из которых, как отмечает А. Бенуа автор книги «Библиография публикаций и корреспонденций К. Шмитта» (2003 г.), остаются нетронутыми. Ученый пережил непростой период забвения после 1945 г., оттепель в 80-е гг., инвективы и дифирамбы относительно своего творчества, но интерес к идеям К. Шмитта постоянно повышается во многих странах всех континентов. Если до 1985 г. ученому было посвящено около 40 книг, то в 2012 г., например, более 400. Исследователей необъятной палитры идей К. Шмитта можно условно разделить на несколько групп по направлениям от биографического содержания до отдельных политических аспектов. Среди авторов, разумеется, большинство немецких специалистов, не умаляя заслуг многих других, можно назвать Г. Машке, Р. Меринга, Х. Кварича, Б. Рютерса, Х. Оттманна, П. Ноака, П. Томмиссена. Активно изучаются работы К. Шмитта в России. Базу исследований

заложили П. Рахшмир и А. Галкин, затем свой вклад внесли А. Филиппов, А. Михайловский, С. Артамошин, Е. Гаранов, К. Лапшин, произведения мыслителя интенсивно переводятся (Ю. Коринец, О. Кильдюшов и др). Отечественные публикации носят пока спорадический характер.

Когда в 1954 г. издатель А. Молер перед печатанием сборника работ ученого попросил сократить биографические данные автора, то получил в письме ответ: «К. Ш. род. 1888, белый ворон, который ни в одном черном списке не отсутствует» [1, с. 13], также было добавлено, что ворон согласно многим легендам и басням является мудрым советчиком. К. Шмитт и здесь не смог отказаться от присущей ему иронии и сарказма. Действительно, за время активной творческой деятельности с 1910 по 1981 гг., многолетней преподавательской научной работы его учениками стали видные правоведы, историки, публицисты: Э. Форстхофф, Э. Хубер, Х. Шнайдер, Х. Кварич, Э. Бекенферде, и др.

К. Шмитт не был сторонним свидетелем судьбоносных этапов политической истории Германии. Ведущий теоретик государственного права, высокопрофессиональный эксперт по юридическим, политическим и также экономическим вопросам, он был максимально близок к высшим эшелонам власти. 1933-1936 гг. стали для К. Шмитта роковыми. Авантюрный по собственным оценкам эксперимент ученого-теоретика с нацизмом, членство в НСДАП, ряд неоднозначных статей, особенности характера и поведения, дали повод для присвоения К. Шмитту целого набора ярлыков: крон-юрист нацизма, политический оппортунист, ярый враг демократии и парламентаризма, католический фашист, могильщик Веймарской конституции. Именно последнее определило цель данной статьи: раскрыть, не прибегая к апологетике и без повтора популярных штампов, элементы рационального в глубине интенции ученого накануне 1933 г., что могло бы предотвратить или, по меньшей мере, отдалить государственную катастрофу.

В государствах европейского континента, отмечает К. Шмитт, начиная с XIX века, то, что трактовалось, как правовое государство было на самом деле парламентским законодательным государством, где центральная позиция принадлежала парламенту, как законодательному органу. Сущность законодательного государства заключается в генеральных установленных нормах. Согласно либеральной доктрине в таком государстве господствуют не индивиды, авторитеты или властные структуры. Приоритетная роль в осуществлении руководства отводится нормам, в рамках которых действительны законы. Законодательный орган формулирует нормы, конституирующие рамки закона, но не руководит, предоставляя эти полномочия исполнительным структурам, которые функционируют обособлено, «на основании закона» или «во имя закона». «Разделение законодательной и исполнительной инстанций, убедительность идеи, что господствуют не личности, а нормы представляют собой не только теоретическую и психологически продуманную предусмотрительность против естественного стремления индивидов к власти, но и фундаментальный принцип законности государственного существования» [2, с. 264]. Правовое оправдание такой государственности базируется на всеобъемлющей легальности действующей власти, на провозглашении гарантий и справедливости. Замкнутый характер системы легальности, продолжает К. Шмитт, обосновывает право требовать послушания и устраняет право на противодействие. Легальность в парламентском законодательном государстве является главной задачей, смыслом и защитой, поскольку существует антитеза, понятие легитимности определенных авторитетов, структур, плебисцитного волеизъявления, представляющих потенциальную опасность, что редуцируется технологией квалификации легитимности как производной от легальности [2, с. 269].

Веймарская республика сохранила традиции парламентского законодательного государства, основанного на либерализме, что стало одной из основных причин острой критики К. Шмитта в течение более десяти лет. Он выступал против конституции по многим направлениям, но незадолго до 1933 г., понимая надвигающуюся опасность, решительно сосредоточился на нескольких, прежде всего это: недостатки принципа простого парламентского большинства, функционалистское и формальное понимание «равных шансов достижения власти», игнорирование разницы между материальным и формальным содержанием закона, существование практически трех законодательных инстанций. В ст. 68 конституции, где записано, что общегосударственные законы издаются рейхстагом [3, с. 49], К. Шмитт отмечает неудовлетворительную редакцию содержания. Поскольку анализ и обсуждение сути проектов не предусматривается, право и закон, таким образом, трансформируются в обычное решение простого парламентского большинства. «Право, закон, легальность становятся понятиями нейтральными, равнодушными относительно какого-либо содержания и превращаются в простые процедуры голосования, доступные для любого содержания» [2, с. 283]. К. Шмитт с тревогой констатирует, что если парламентский депутатский корпус игнорирует качественный состав своих членов, то он становится функциональным органом всеобщих мажоритарных выборов и допускает отход от требований материальности закона. Это неизбежно приводит к функционалистской, субстанциальной бессодержательности арифметического большинства, в результате чего практически уничтожаются не только провозглашенные гарантии справедливости и рациональности, но и понятия закона и легальности как таковые. В законотворческом процессе ученый подчеркивает важность понимания закона как материального и формального явления. Закон, в материальном смысле, представляет собой правовую норму, правило для всех и для каждого, он отличается от формального закона, т.е. мер, приказов и разного рода предписаний. К. Шмитт отмечает, что четкой дифференциации нормы и приказа, закона и мероприятия в государственно-правовой дефиниции закона не зафиксировано. Если закон теряет справедливость и рациональность содержания при сохранении сущности законодательного государства, где сконцентрирована легальность, то любой приказ, команда или предписание под лозунгом «главенствования закона» может легально подаваться как закон, и его фиктивность нарушает все связующие элементы государственной структуры с положениями правового государства. В таких условиях, говорит ученый, становятся очевидными возможности манипуляций, которые приводят к искажению «правогосударственной» [4, с. 9] сущности материального закона, тождества закона и права, в пользу формального, несоответствующего праву и справедливости прямо политического понимания закона. Простое большинство, продолжает ученый, тем не менее, обеспечивает право и легальность, но при условии стабильной внутригосударственной ситуации и, если приоритетна ориентировка на основную идею любой демократии на относительное единство народа. «Законодательное государство, чтобы вся система легальности внезапно не рухнула, неуклонно придерживается исторически сложившегося принципа нейтралитета по отношению ко всем мнениям, движениям, направлениям, т.е. равных шансов в достижении власти» [2, с. 285]. Это является для государства чрезвычайно важным фактором самосохранения, материальность и позитивность которого, под флагом справедливости поддерживается всеми возможными способами. Но любое демократическое государство, в том числе и Германия, продолжает К. Шмитт, является «партийным», поэтому государственная воля определяется лабильным, периодически меняющимся парламентским большинством гетерогенных партий, «некомпетентность которых не позволяет сформировать ответственное, дееспособное правительство; государство реально представляет собой коалиционно-партийную структуру, как

результат межпартийних компромісів, з розподілом ключових державних, комунальних і інших постів, також партійних доходів між своїми функціонерами, слідуючи фракційній квоті і тактичеської обстановці» [5, с. 45]. Ситуація, говорить учений, дуже ускладнена для Німеччини, яка в положенні репараційного державства, з розбалансованою системою юстиції, не в стані вирішувати в свою користь проблеми зовнішньополітичеського характеру; важке положення в економіці доповнюється предельно обострившимся внутріполітичеським протистоянням.

Правляча партія з парламентським більшістю в 51%, маючи практичеськи всю повноту влади, «уже більше не партія, а держава, тому використовує монополію на видачу і виправку законів в своїх інтересах не тільки для забезпечення переваги на виборах перед партійно-політичеськими конкурентами, але і для прямого оголошення нелегальним протистоячеське меншість» [2, с. 292]. Таким чином, основний лозунг законодавчого державства «рівних шансів на шляху до досягнення влади» усувається, як і провозглашені ідеї демократичеської гомогенності народу, крім того стає очевидною ірраціональність виборчого принципу простого більшіства. Втрата владою легальності ні у когось не викликає сумнівів, підкреслює К. Шмітт, тому «партії меншіства і більшіства, відстаючи в непримиримій боротьбі свої позиції, пред'являють взаємні звинувачення в нелегальності діяльності» [2, с. 291], в результаті чого ситуація в країні стає неуправляемою і близькою до катастрофи.

К. Шмітт, як відомо, не був політиком, але як етатист, патріот, учений-правознавець став одним з небагатьох, хто взяв на себе відповідальність за долю країни і мужливо, не бачуючи за наслідки, спробував знайти вихід з критичеського положення. Він прямо ставить питання, хто може стабілізувати ситуацію, реально загрожуючу перерости в громадянську війну, і розуміє передбачувану можливість як щось «непартійне третє». Для стабілізації обстановки, вважає К. Шмітт, необхідна альтернативна, об'єктивна, «нейтральна» політика. Тут поняття нейтральності, в відміння від традиційних трактувань, частіше як бездіяльність, детермінується як «незалежне, по відношенню до інтересів владних структур партійного державства конкретне протидіячеське з боку обособлених сил, які остаточно не сформувалися і не усвідомлені, але одні вже проявляються відкрито, інші поки можна оцінити як апокрифичеські» [5, с. 45].

Якщо б учений завершив роздуми на цій ноті, то йому можна було б інкримінувати ліберальний формалізм і функціоналізм, протидіячеське чого він завжди боровся, інтенції втратили б в ступені інтереса при всьому шануванні до великого мислителя. Але незважаючи на обережність і вибірковість в судженнях, що К. Шмітт підкреслював, говорячи про себе, він не зміг залишитися в стороні в важкий для батьківщини час. Учений не утік від конкретики, він репрезентував в своїх роботах, публічних виступах комплекс важливих, конструктивних зауважень, при цьому далеко неоднозначних, не без радикальної окраски, ставших предметом полемік апологетів і протидіячеських на багато десятиліть. Останнім хранителем права, стабільності, легальності, захисту від несправедливості повинні бути міцні основи законодавства, що забезпечується, по переконанню К. Шмітта, єдиноличним правом законодавця на легальність при безоговорочній довірі до законотворчеських процесів, «в довірі до законодавчої інстанції заключається основна передумова дееспособності конституції правового державства в формі законодавчого державства; будь-яка конкуренція з боку альтернативних законодавців і релятивуючих одна одну понять закону недопустима, вона руйнує законодавче державство як таке» [2, с. 276]. Учений має в увазі ст. 48, 73, 75 конституції, згідно з якими

основному законодателю практически приравниваются плебисцитная легитимность и чрезвычайные полномочия рейхспрезидента [3, с. 50]. Несмотря на это, К. Шмитт не исключает вероятность рациональных действий парламента, используя потенциал конституционных положений, для преодоления эгоизма, недальновидности партийной воли и трансформации в государственную волю. В сильном правовом государстве относительно депутатов, говорит ученый, должно быть актуализировано такое понятие как «несовместимость». Это означает, что при наличии депутатского мандата непозволительно занимать должность служащего любого ранга, но особо вопрос касается совмещения депутатских обязанностей с экономическими профессиями: банки, синдикаты, советы, объединения. «Подобные меры, были бы крайне важны и необходимы для того, чтобы депутаты сосредотачивались на своих прямых обязанностях, и что способствовало бы укреплению моральной чистоты государственной жизни» [5, с. 43]. К. Шмитт видит также позитивность в применении элементов «чиновничьего государства», где ведущую роль играет корпус государственных служащих, профессионализму и функциональному потенциалу которых, ученый дает высокую оценку. Реальность материализации своей точки зрения К. Шмитт аргументирует тем, что аппарат чиновников защищен ст. 128 – 130 конституции и служит всему народу, но не отдельным партиям [3, с. 59]. Компетентность, понимание ответственности помогут чиновникам, как и парламентариям, определить механизмы реформирования из партийных деятелей в истинных сторонников государства. К. Шмитт понимает и то, что по статусу служащие функционально ограничены органами управления, юстиции и принятие политического решения не представляется возможным, но оптимизм размышлений ученого сохраняется, поскольку релевантными остаются перспективы сдерживающего влияния. Анализируя шансы юрисдикции на легальной основе добиться нейтрализации государства, К. Шмитт отмечает, «что реализация политических решений, имплицитно заложенных в постановлениях судей, вплоть до судов высшей инстанции, даже под позитивными лозунгами правового государства, сомнительна, поскольку профессионалы права являются теми же чиновниками» [5, с. 48]. Здесь К. Шмитт имеет в виду независимость судей, как одну из ключевых предпосылок правового государства и отмечает, что универсальной схемы осуществления этой идеи пока нет.

Продолжая анализ возможностей противостояния, К. Шмитт считает, что нейтрализующее влияние могут оказывать отдельные земли, хотя они сами представляют собой партийные государства; элементы достаточно рационального содержания федералистских положений ст. 18 конституции [3, с. 41] при правильной расстановке акцентов могли бы стать дополнительным рычагом для противодействия партийному государству. Но при этом ученый говорит, что тенденция к продолжению обособления различных структур требует немедленной корректировки, поскольку возникает вопрос, насколько рациональным является расширение масштабов плюрализма такого рода брать за основу государственного строительства, и как это коррелирует с истинно немецким духом единства. Внутригосударственная жизнь в огромной мере подчинена бесчисленным договорам и соглашениям между империей и отдельными землями, между самими землями, империей и религиозными обществами. Складывается впечатление, говорит ученый, что «этот процесс по сути сделок коалиционных партий между собой бесконечен, и значимость конституции сводится к лозунгу „*pacta sunt servanda*» [5, с. 55]. Изощренная тактика коалиционных партий, ориентированная на недопустимость конфронтации с партикулярными интересами авторитетных, обособленных структур, приводит к окончательному расколу государства. Решение вопроса дальнейшей судьбы нации отдается на откуп правительствам стран-кредиторов, которые под давлением, через своих комиссаров

будут определять направления внутренней политики Германии, если политическое сознание народа не способно к формированию собственной воли.

Проблема заключается еще и в том, продолжает мыслитель, «что неправильные трактовки и обобщения относительно популярных понятий нейтралитета, деполитизации, объективности приводят к смешению противоположных целей субъектов противостояния партийному государству, в итоге – к взаимной парализации деятельности [5, с. 54]». С одной стороны, поясняет ученый, взят курс на поиск рационального, чего нереально ожидать от нынешнего парламента, политического решения для сохранения и создания дееспособного правительства. С другой стороны актуализируется точка зрения, что такие понятия как политика, правительство необъективны и вовсе не нужны, поскольку управление будет осуществляться само по себе за счет объективности и профессионализма в организации процесса. Согласно лозунгу деполитизации, партийная политика как таковая и политика коалиционно-партийного государства не должна быть однозначно политической и одновременно понимается, как необъективная и нерациональная. В результате содержание идеи деполитизации не только объединяет оба движения, поскольку первое борется за политическое решение, второе за объективность и рациональность, но и существенно дезорганизует их.

Таким образом, продолжает ученый, ситуация в государстве не деполитизируется; заблуждение в понимании деполитизации в том, что на самом деле предполагается материализация идеи другой политики вместо партийной политики в целом и политической доктрины нынешнего государства. Сущность понятия политического заключается в неразрывной связи с любой сферой человеческой деятельности по сути политической и останется таковой, особенно при возникновении серьезных конфликтов. Крайне ошибочны представления, что политику можно отделить от экономики, религии, культуры и других областей. К. Шмитт констатирует, что «это не недоразумение, а ложь, если не мошенничество, не видеть в деполитизации возможность избежать неуютной ответственности и рисков, связанных с понятием политического» [5, с. 56]. Все, что касается общественных интересов и непосредственно государства, находится в политической плоскости, поэтому идея деполитизации практически абсурдна. Бегство из политики, говорит далее К.Шмитт, «означает бегство из государства и в какой точке осядет беглец, предвидеть не может никто, но очевидно одно, что это или крушение политической карьеры или латентный замысел новой политики» [5, с. 57].

Наиболее реальную возможность легального выхода государства из кризиса ученый видит в полномочиях рейхспрезидента, закрепленных ст. 48, п. 2 конституции [3, с. 46]. Сложность проблемы относительно чрезвычайных полномочий, говорит К. Шмитт, заключается не только в разных толкованиях, но и в факторе психологического воздействия слова «диктатура», которое увязывается с этими полномочиями в государственно-правовой литературе Германии. «Чрезвычайное положение ст. 48 представляет собой нечто другое по сравнению с военным или осадным положением XIX века, оно связано с общим нормальным состоянием государства и не является обособленной от целого государственной деятельностью, ориентированной лишь на полицейские меры, считать по-другому – неправильно» [6, с. 235]. Ученый подтверждает свои аргументы тем, что рациональные чрезвычайные меры статьи не раз применялись для стабилизации, в частности, финансовой сферы. Но проблема нынешней обстановки значительно сложнее, поэтому именно ст. 48 должна выступить на защиту конституции и государства. Партийное государство многочисленностью гетерогенных партий, говорит К. Шмитт, мешает любой настоящей власти, объединяется против всех признаков сильного государства и находит итог в сочетании неспособности к руководству и развала власти. Пока власть в руках

апологетов подобной ситуации, они могут и хотят чинить препятствия передаче власти кому-либо другому. Ученый призывает немедленно задействовать все рычаги парламентской, плебисцитной демократии для реанимирования конституции, «спасения того, что ещё можно спасти» [7, с. 43] и создания на легальной основе авторитетного, особенно дееспособного правительства. «Если последний столп нашего конституционного порядка рейхспрезидент и его вновь сформированное, пользующееся доверием, возможно даже беспощадное правительство, не проявят стойкости, то хаос будет на лицо и исчезнет даже иллюзия порядка» [8, с. 77]. Нация, говорит К. Шмитт, стоит перед выбором: спасение политического единства на основе собственной политической воли или существование под диктовку чужой воли. Здесь для немца нейтралитета быть не может, поскольку речь идет о собственной жизни, о судьбе государства и политической экзистенции всего народа.

К. Шмитт не раз обращал внимание на то, что желающие побеседовать с ним должны не только ознакомиться с его произведениями, но и осмыслить масштабы и глубину интенций ученого во всем многообразии окружающей действительности. Из этого следует, что его «так и надо читать: отделяя теоретическое содержание как ценное и непреходящее от исторической материи и помня, что всякая актуализация применительно к текущей политической жизни этой фантастической по богатству идей и продуктивности концепции должна сопровождаться размышлениями ...» [9, с. 312]. Поэтому отечественным исследователям еще предстоит выйти на непростую аудиенцию с К. Шмиттом, не следуя моде на уникальность его творчество, но с целью поиска наиболее рациональных элементов из арсенала идей, не потерявших значимость с течением времени, для государственного строительства нынешней Украины.

Список использованной литературы

1. Mehring R. Carl Schmitt. Aufstieg und Fall / R. Mehring, C. H. Verlag. – München : Beck, 2009. – 750 s.
2. Schmitt C. Legalität und Legitimität / C. Schmitt // Verfassungsrechtliche Aufsätze aus den Jahren 1924-1954. Materialien aus einer Verfassungslehre. Vierte Auflage. – Berlin : Duncker & Humblot, 2003. – 517 s.
3. Материалы Народного Комиссариата Юстиции. – Москва, 1921. – Вып. IX. – 68 с. ; Materialy Narodnogo Komissariata Yustitsii. – Moskva, 1921. – Vyp. IX. – 68 s..
4. Соколов А. Н. Идея правового государства в Германии и механизм ее реализации : автореф. дисс. ...докт. юр. наук : спец. 12.00.01 / Альфред Нилович Соколов; Украинская юридическая академия. – Харьков, 1992. – 43 с. ; Sokolov A. N. Ideya pravovogo gosudarstva v Germanii i mekhanizm ee realizatsii : avtoref. diss. ...dokt. jur. nauk : spets. 12.00.01 / Alfred Nilovich Sokolov; Ukrainskaya yuridicheskaya akademiya. – Kharkov, 1992. – 43 s.
5. Schmitt C. Das Problem der innenpolitischen Neutralität des Staates / C. Schmitt // Verfassungsrechtliche Aufsätze aus den Jahren 1924-1954. Materialien aus einer Verfassungslehre. Vierte Auflage. – Berlin : Duncker & Humblot, 2003. – 517 s.
6. Schmitt C. Die staatsrechtliche Bedeutung der Notverordnung, insbesondere ihre Rechtsgültigkeit / C. Schmitt // Verfassungsrechtliche Aufsätze aus den Jahren 1924-1954. Materialien aus einer Verfassungslehre. Vierte Auflage. – Berlin : Duncker & Humblot, 2003. – 517 s.
7. Quaritsch H. Positionen und Begriffe Carl Schmitts. Vierte, unveränderte Auflage / H. Quaritsch. – Berlin : Duncker & Humblot, 2010. –130 s.
8. Schmitt C. Starker Staat und gesunde Wirtschaft // Schmitt C. Staat, Großraum, Nomos / C. Schmitt, von G. Maschke. – Berlin : Duncker & Humblot, 1995. – 688 s.
9. Филиппов А. Ф. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа / А. Ф. Филиппов // Шмитт К. Политическая теология: сб. / К. Шмитт. – Москва, 2000. – 277 с. ; Filippov A. F. Karl

Shmitt. Rastsvet i katastrofa / A. F. Filippov // Shmitt K. Politicheskaya teologiya: sb. / K. Shmitt. – Moskva, 2000. – 277 s.

Стаття надійшла до редакції 21.03.2016 р.

L. Shumsky

CARL SCHMITT AND LOST OPPORTUNITIES IN GETTING OUT OF THE POLITICAL CRISIS IN GERMANY OF WEIMAR PERIOD

The article presents the ideas of the German legal scholar and political philosopher Carl Schmitt, aimed at finding solutions to complex political problems in Germany, which got especially dramatic on the eve of the collapse of the Weimar Republic. The main task of the scientist was, despite the sharp criticism of the constitution, in the revitalization of rational provisions of the basic law.

Weimar Republic kept the traditions of parliamentary legislative state based on liberalism that had become one of the main reasons of sharp criticism of K. Schmitt for more than ten years. He opposed the constitution on many points, but not long before 1933, understanding the imminent danger, strongly focused on a few of them, especially the following: shortcomings of the principle of a simple parliamentary majority, functionalistic and formal conception of "equal chances of reaching power", ignoring the difference between the material and the formal content of the law, the existence of nearly three legislative authorities.

The situation is extremely complicated for the government: it is in the status of reparations, with unbalanced justice system being not able to solve problems in their favor of foreign policy; the plight of the economy is complemented by an extremely sharpened political infighting.

Any democratic state, including Germany, is a "party", so the state will be determined labile periodically changing heterogeneous parliamentary majority parties. Carl Schmitt does not exclude the probability of rational action of the Parliament, using the potential of the constitutional provisions, to overcome selfishness, shortsightedness of the party will and its transformation it into a state will.

Neutralizing effect could be, according to Schmitt, have some lands, even though they are the party of the state; elements quite rational content of the provisions of Art. 18 of the constitution with the right of emphasis could be an additional lever to counter the party state.

The most real possibility of a legal getting out of the crisis the scientist considers Reichspräsident powers, approved by Art. 48, para. 2 of the Constitution.

Keywords: state, law, constitution, neutrality, depoliticization, a state of emergency.

Л. М. Шумський

КАРЛ ШМІТТ І ВТРАЧЕНІ МОЖЛИВОСТІ ВИХОДУ З ПОЛІТИЧНОЇ КРИЗИ НІМЕЧЧИНИ ВЕЙМАРСЬКОГО ПЕРІОДУ

У статті подано міркування німецького вченого-правознавця й політичного мислителя К. Шмітта, присвячені пошуку розв'язання складних внутрішньополітичних проблем у Німеччині, що загострилися напередодні краху Веймарської республіки. Головне завдання вченого полягало, незважаючи на жорстку критику конституції, в активізації раціональних положень основного закону.

Веймарська республіка зберегла традиції парламентської законодавчої держави, заснованої на лібералізмі, що стало однією з основних причин гострої критики К. Шмітта протягом понад десяти років. Він виступав проти багатьох статей конституції, але незадовго до 1933 р., розуміючи все ближчу небезпеку, рішуче зосередився на декількох із них, це насамперед: недоліки принципу простої парламентської більшості, функціоналістське та формальне розуміння «рівних шансів

досягнення влади», ігнорування відмінності між матеріальним і формальним змістом закону, існування практично трьох законодавчих інстанцій.

Ситуація для держави надзвичайно ускладнена: вона в статусі репараційної, з розбалансованою системою юстиції, не спроможна розв'язувати позитивно для себе проблеми зовнішньополітичного характеру; складний економічний стан доповнюється гранично загостреним внутрішньополітичним протистоянням.

Будь-яка демократична держава, у тому числі й Німеччина, є «партійною», тому державну волю визначає лабільна, періодично змінювана парламентська більшість гетерогенних партій. К. Шмітт не відкидає ймовірності раціональних дій парламенту, який, використовуючи потенціал конституційних положень, може подолати егоїзм, недалекоглядність партійної волі й трансформувати її в державну волю.

Нейтралізуючий вплив могли б, на думку К. Шмітта, справляти окремі землі, хоча вони самі є партійними державами; елементи досить раціонального змісту положень ст. 18 конституції за правильного розставлення акцентів могли б стати додатковим важелем для протидії партійній державі.

Найбільш реальною можливістю легального виходу держави із кризи вчений уважає повноваження рейхспрезидента, закріплені ст. 48, п. 2 конституції.

Ключові слова: держава, право, закон, конституція, нейтралітет, деполітизація, надзвичайний стан.